

и естественными недостатками воды и хлеба. И сих ради безмерных скорбей, яко вран на нырищи забдех, и яко птица не имый во обитание дому, и едва возмогах видети конец в совершении желания моего, и о сем возвеселихся, яко обретая корысть многу; и аще в чесом за немощь человеческого ума погреших, и аще кто от любомудрых паче нас весть, да не будет зазрително, ибо человек есть, и еще учащих мя ишу и требую вразумляющих. Вы же, возлюблении, хотяши преписовати или чести моих рук сие трудолюбство, и где аще в чесом погрешено обрящете, молю вы по бозе со прилежанием смиренномудрия, а не с кичением тщеславия собою свое исправляйте, и бог мира да будет с вами zde и в день будущего века. Аминь.

Аще кто хочет разумети имя написавшаго книгу сию, и се предлагаю ти счет по алфе. Имат бо начало сугубую пятерицу [i] и по семь осмыкружная сторица с единицею [oa] и дваши пятерица десятиц за един [н н]. Чтый да разумеет [т. е. имя Иоани]“. Последние две страницы этой главы замараны чернилами, а некоторые строки даже выскоблены ножом. Читается только написанная на полях скорописью фамилия писца: „Козырев“. Внизу страницы (оборот 368 л.), на которой в зашифрованном виде было написано имя и фамилия писца, сказано: „Житель Великого Новаграда“.

Следовательно этот, судя по обширной записи, писец Иван Козырев жил в Новгороде и занимался переписыванием книг, за которые, по новизне их содержания, подвергался со стороны „невеж“ гонению и даже заключению в „доме плача и въздыхания“.

Данный сборник хотя и не весь писан рукою Ивана Козырева, но составлен несомненно им. Об этом свидетельствуют отдельные приписки его рукою в разных местах сборника. Рукопись Риторики, включенная в этот Сборник, является более ранней, относящейся к 1620 г., и написана другим лицом. Однако Козырев, включая ее в свой сборник, написал к ней на восьми страницах нечто в виде предисловия, озаглавив его: „О Ритории похвала и сказание“ (лл. 370—373). Совершенно в аналогичном стиле им было написано также предисловие к Диалектике Дамаскина (лл. 206—209), которое называется: „О диалектике похвала и сказание о разуме ея“.

Наконец, в самом конце сборника, в виде заключения, рукою Козырева написано „Сказание о седми свободных мудростей“. В этом сказании говорится:

„Мудрость первая словесного любомудрия — грамматика; мудрость вторая по сей словесного же любомудрия — мудрая диалектика; по сем третья мудрость словесного любомудрия — премудрая риторика; мудрость 4-ая — мусика; мудрость 5-ая — арифметика есть числительная; мудрость 6-ая — геометрия, яже есть землемерная; мудрость 7-ая — астрономия, яже небоокружная и небесная воздушная движения“.

Обрамляя разрозненные рукописи приписками, Иван Козырев очевидно стремился установить между отдельными статьями внутреннюю